

Лейтмотивы современной кумыкской поэзии

В статье рассматривается специфика репрезентации темы природы в современной кумыкской поэзии. Демонстрируется, как через систему олицетворений, сравнений, метафор и эпитетов природа конструируется как активный субъект и основа мифопоэтической картины мира. На материале лирических текстов народной поэтессы Дагестана Супиянат Мамаевой показано, что через прием антропоморфизма создаются модели «живого» мира, вступающего в диалог с человеком. С. Мамаева формирует поэзию события, где сила стиха рождается из его способности быть всем и для всех: ее лирическое «я» — это эхо души читателя и голос самой природы. Философское переживание всеединства мира в поэзии кумыкских авторов материализуется на уровне поэтического синтаксиса. Текучесть, естественность и синтаксическая свобода строк становятся формальным аналогом «слитности и многообразия», создавая уникальный ритм, в котором сложнейшие душевные состояния выражаются с органичной простотой. Делается вывод, что современные кумыкские поэты, воплощая природные явления в участниках диалога, поднимают тему родства человека и окружающей действительности, что является значимой чертой современного национального художественного сознания.

Ключевые слова: дагестанская литература, кумыкская поэзия, пейзажные мотивы, тропы, природные образы

The article examines the specifics of the representation of nature in modern Kumyk poetry. It demonstrates how nature is constructed as an active subject and the basis of the mythopoetic worldview through the system of personifications, comparisons, metaphors, and epithets. Based on the lyrical texts of Supiyanat Mamaeva, a folk poetess from Dagestan, it is shown that the technique of anthropomorphism creates models of a "living" world that engages in dialogue with humans. S. Mamaeva creates poetry of the event, where the power of the verse arises from its ability to be everything and for everyone: her lyrical "I" is an echo of the reader's soul and a voice of nature itself. The philosophical experience of the unity of the world in the poetry of Kumyk authors is materialized at the level of poetic syntax. The fluidity, naturalness, and syntactic freedom of the lines become a formal analogue of "unity and diversity", creating a unique rhythm in which complex emotional states are expressed with organic simplicity. It is concluded that modern Kumyk poets, by turning natural phenomena into participants in a dialogue, raise the theme of the relationship between humans and the surrounding reality, which is a significant feature of modern national artistic consciousness.

Keywords: Dagestan literature, Kumyk poetry, landscape motifs, trails, natural images

Введение

В современной кумыкской поэзии природа Дагестана и Северного Кавказа играет немало важную роль, раскрывая внутренний мир лирического героя. Каждый поэт — С. Мамаева, Б. Аджиев, Р. Устарханова, Х. Хизриева, М. Шихавов — создает уникальные образы, насыщая поэзию достоверностью и оказывая эмоциональное воздействие на читателя.

Для современных кумыкских поэтов природа выступает как живое зеркало души. Каждый автор по-своему всматривается в это зеркало, находя в изломах скал, течении рек, шепоте леса, лучах солнца, морском прибое отражение собственных тревог, теплых чувств, памяти и надежд. Это рождает яркие, запоминающиеся образы, которые, будучи укоренены в национальной почве, говорят на общечеловеческом языке чувств, находя прямой путь к сердцу читателя.

Литературный критик М.Н. Эпштейн[▼] констатирует, что «анализ пейзажных мотивов помогает понять не только национальное своеобразие литературы, но и ее историческое движение. Образы природы позволяют проследить движение самой художественной образности, не смешивая его с движением изображаемой действительности» [1. С. 6]. По словам Д.А. Богача, «диалог с природой выражает мысль о месте человека в мире художественного произведения, сущность персонажа и его нравственно-ценностные ориентиры» [2. С. 26].

Мы неоднократно отмечали в своих исследованиях, что «поэтический язык современных кумыкских поэтов богат тропами. В стихотворных текстах встречаются эпитеты, сравнения, аллегории, гиперболы, олицетворения, метафоры, метафорические эпитеты, параллелизмы» [3. С. 79].

[▼] Включен в реестр иностранных агентов.

М.А. Гусейнов так говорит о влиянии оттепели на кумыкскую литературу:

Зарисовки природы оттеняли глубину и тонкость мироощущения, душевное богатство лирического героя. Можно констатировать ориентацию авторов на новую художественно-эстетическую парадигму. Обращением к произведениям любовного содержания, пейзажным зарисовкам кумыкские авторы стремились подтвердить свою поэтическую состоятельность, следование новаторским общелитературным тенденциям [4. С. 67].

Лейтмотивы поэтического творчества Супиянат Мамаевой

В стихотворениях С. Мамаевой, Б. Аджиева, Р. Устархановой, Х. Хизриевой, М. Шихавова природа выступает как точное зеркальное отражение внутреннего мира лирического героя, где каждый природный образ становится символом его душевного состояния.

Тереземде шавла ойнап, / Юм-чум этип яшынды. / Юрегимде учгун ягып / Сёнген гюнмю? Яшмынмы?
(Луч, заиграв на моем окне, / Спрятался, подав сигнал. / В сердце моем зажегшее искру, / Угасшее солнце?
Молния? [5. С. 8].)

Таш кекелин кёкге тиреп Таргъутав / Хазар денгиз булан тангда сыр чече. / Гюндюзлерде гюнню ала
тёшюне, / Гечелерде тик башына ай гёче.
(Тарки-Тау каменный гребень подперев к небу, / На рассвете с Хазарским морем секретничает. / Днем
солнце располагает у себя на груди, / А по ночам на его крутую вершину заселяется луна [6. С. 357].)

Уятасан гюнлерингни тангына, / Кёкню ярып, тангны юзюн ачасан. / Гёк денгизни тынглап алив ангына,
/ Кёкню нюрюн айлананга чачасан.
(Будишь нас рассветом своих дней, / Расколов небо, раскрываешь лицо рассвета. / Послушав красивый
напев синего моря, / Красоту неба всюду рассеиваешь [Там же. С. 331].)

Биринчилей мени тавлар кършылай, / Инбашына инбаш тиреп чирелген. / «Хошгелди», — деп оьзен чаба
артымдан, / Гиччи яшдай, этегиме иерген.
(Первыми меня встречают горы, / Подставив плечо к плечу, важно стоят. / «Добро пожаловать» сказав,
бежит за мной речка, / Будто маленький ребенок, привязавшийся к подолу [Там же. С. 391].)

Шодур магъа уллу савгъат, арывюм. / Иржайывунг шавла берсе ожакъгъа, / Къув бойнунга билеклерим
тагъарман, / Гоганлы гёзлерингни оьбермен.
(Если улыбку свою будешь дарить, как солнце, / Вот это для меня будет подарком, моя хорошая. / Если
твоя улыбка будет рассеивать лучи в нашем доме, / Обниму твою лебединую шею, / Поцелую, как терн,
твои глаза [Там же. С. 373].)

В.Е. Хализев подчеркивает, что «образы природы (как пейзажные, так и все иные) обладают глубокой и совершенно уникальной содержательной значимостью. В многовековой культуре человечества укоренено представление о благодати и насущности единения человека с природой, об их глубинной и нерасторжимой связанности» [7. С. 206]. В лирике Супиянат Мамаевой природные образы отражают душевное состояние лирической героини: солнце, дождь, молния, звезды, море, снег и тропинка к отчому дому материализуют ее тоску, утрату, надежду и память. Безграничную любовь ко всему живому можно наблюдать во всех природных формах, начиная от маленькой тропинки в родном селе Костек, наполняющей сердце и душу поэтессы радостью, до необъятной планеты Земля. Все в этом мире имеет право на жизнь, заботу, любовь, защиту, счастье. В стихотворении «Любовь есть у всего живого» («Сююву бар бары жанны») поэтесса обращается к своему возлюбленному с вопросом:

Сююву бар бары жанны,
Сююву бар гюлню де.
Сююву бар бизге шавла
Себелейген гюнню де.

Сююву бар булутланы,
Сюювдей ярыкъ ай да,
Бары жанны сююву бар,
Сени сюювюнг къайда? [8. С. 44]

Любовь есть у всего живого,
Любовь есть и у цветка.
Любовь есть и у солнца,
Дарящего нам свои лучи.

Любовь есть у облаков,
И луна, как любовь, светла,
У всего живого есть любовь,
Твоя любовь где?¹

¹ Здесь и далее перевод наш. — А. А., И. А.

В двух строфах автор сумела рассказать о любви всего живого на Земле — от маленького цветка до небесных светил. Эти строки переполняют душу положительными эмоциями, яркими красками, жизненной энергией. Благодаря согласным звукам [с], [б], [н], [р] и гласным звукам [ю], [а], [е], [и] в стихотворении звучит мелодия любви. Глухой звук [с], повторяющийся в тексте девять раз, наполняет его теплом и ярким солнечным светом. Гласные звуки [ю], [а], [е], [и] придают стихотворению певучесть, оживленность, мажорность. Обратим внимание на поэтическую «лестницу», выстроенную автором. Любовь демонстрируется по нисходящей: от абстрактного «всего живого» к конкретному, но безмолвному цветку, к далекому, но дарящему жизнь солнцу, к изменчивым облакам, к холодной, сияющей отраженным светом луне. Кажется, что нет такого уголка мироздания, где бы не было любви. Это создает ощущение всеобщего, неумолимого закона бытия, в котором героиня уверена, как и в том, что солнце встает. Этот перечень — не просто описание, а поэтическое доказательство универсальности любви.

И только последняя строка, где лирическая героиня задается вопросом «Где твоя любовь?», наводит на пессимистические размышления. У лирической героини весь мир живет по закону любви. И вдруг — «сбой». Вопрос адресату («Твоя любовь где?») разрывает картину вселенской гармонии. Он звучит не как упрек, а как изумленное, почти метафизическое «недоумение». Вселенная полна любовью, это ее естественное состояние, а «ты» единственный, кто нарушает этот закон. Вопрос ставит под сомнение не чувства адресата, а его причастность к миру живого. Героиня, чувствуя себя частью всеобщего потока любви (солнца, цветка, облаков), вдруг осознает, что стоит перед человеком, который выпал из этого круговорота. Его «отсутствие любви» — это не просто игнорирование ее чувств, а своего рода «духовная смерть», отказ от фундаментального свойства жизни.

Ярким примером того, как антропоморфизм становится у С. Мамаевой основой целостной философской картины мира, служит стихотворение «Язбаш терезем кьагъа» («Весна стучится в мое окно»). Здесь природа не декорация, а активный субъект, друг, который приходит в гости. Это не абстрактное явление, а персонаж с намерением — «чтобы я вышла». Создается мгновенное чувство интимности и соучастия между лирической героиней и миром:

Язбаш терезем кьагъа,
Чыкъ деп геземе кьыргъа.
Нечик боларсан салмай
Бу гёзелликни йыргъа?!

Табиат магъа багъып
Яшыл кьулачын яя,
Авлакъланы, кьырланы
Гъайран макъамлар чая.

Гёнгом, кьуш йимик, уча,
Сююв гыслерден толуп,
Яз булан яшлыгъыма
Тураман гъашыкъ болуп [9. С. 108].

Весна стучится в мое окно,
Чтобы я вышла погулять на улицу.
Как можно не описать
Эту красоту в стихах?!

Природа раскрывает для меня
Свои зеленые объятия,
Поля, улицы
Наполняют изумительные голоса (напевы, мелодии).

Душа моя летит, как птица,
Переполненная чувством любви,
Вместе с весной влюбляюсь
В свое детство (молодость).

Олицетворенная весна здесь предстает активным и добрым субъектом, который «стучится», приглашая лирическую героиню к диалогу. Этот диалог мгновенно перерастает в слияние: природа раскрывает «зеленые объятия», а душа, «переполненная чувством любви», откликается полетом. Важнейший поворот происходит в финале: влюбленность в весну преобразуется во влюбленность в собственное детство. Таким образом, антропоморфизм служит здесь механизмом, запускающим путешествие во внутренний космос памяти. Поэзия для С. Мамаевой, как следует из риторического вопроса («Как можно не описать...»), становится нравственным долгом — благодарным откликом на щедрость пробуждающегося мира. Строки стихотворения «пропитаны

добротой и любовью» ко всему живому, что и составляет суть «настоящей поэзии» и «настоящей жизни».

Филологический анализ лирического текста показывает, что даже в, казалось бы, простом весеннем пейзаже С. Мамаева воплощает свою главную тему — нерушимую, живую связь между душой человека, природой и потоком времени.

Обратим внимание на стихотворение «Къызъяшдай къызарып...» («Будто молодая девушка, смущаясь...»):

Къызъяшдай къызарып,
Йылай да, кюлей,
Гелиндей уялчан,
Ачылгъан гюлдей,
Танг тува иржайып,
Танг геле къатып,
Тав-тюзге тамдырып,
Янгы йыр айтып [10. С. 99].

Будто молодая девушка, смущаясь,
И плачет, и смеется,
Застенчивей невесты,
Будто раскрывающийся бутон,
Утро рождается, улыбаясь,
Близится рассвет,
Горам-равнинам
Посвятив новую песню.

Это стихотворение — гимн зарождающемуся дню, где через цепь тончайших сравнений и олицетворений передается само ощущение утреннего чуда как живого, трепетного существа. Данное произведение является эталонным примером синтетической образности С. Мамаевой. Поэтесса создает не статичную картину, а динамичный процесс очеловечивания природы, используя каскад взаимосвязанных тропов. Развернутое, многосоставное сравнение, уподобляющее утро юной девушке и невесте, наполняет природное явление предельной человеческой эмоциональностью и психологизмом. Оксюморон («и плачет, и смеется») схватывает самую суть переходного, изменчивого состояния зари. Плавный переход к сравнению с «раскрывающимся бутон» подчеркивает органичность и естественность рождения. Тропы служат здесь не украшению, а раскрытию глубинной философской идеи: рождение нового дня — это столь же таинственное, эмоционально насыщенное и творческое событие, как и рождение чувства, пробуждение души или акт художественного творения. Мир у С. Мамаевой одушевлен, и поэтесса является чутким свидетелем и летописцем этой всеобщей одушевленности.

Образы, созданные Супиянат Мамаевой параллельно становятся символом ее душевного состояния. В них отражаются чувства и переживания художника слова. Эти образы показывают бытие человека, особенности его восприятия жизни. В стихотворении «Йырламагъа сюемен» («Я хочу петь») поэтесса своеобразно описывает небесные светила — луну и звезды, применив яркие тропы. Образы луны, звезд, туч и земли, представленные поэтессой, придают стихотворению живость. Автор использует широкую гамму средств художественной выразительности. Произведение насыщено метафорическими эпитетами («луна смеется», «луна будто грудь ночи, готовящаяся стать матерью», «печаль облаков», «петь колыбельную звездам»), с помощью которых автор оживляет природу, наделяя ее признаками живого существа:

Гечени гёк гёлегини
Тюймесидай йыртыллап,
Ай да кюлей,
Кюлемеге сюемен.
Ана болма агъ урагъан гечени
Кёкюреги йимик Ай,
Гюллемеге сюемен.

Луна тоже смеется,
Блеснув, будто пуговица
На синей рубашке Ночи,
Я хочу смеяться.
Луна, будто грудь Ночи,
В муках готовящейся стать матерью.
Я хочу завидовать.

Булутланы пашманлыгъын
Урламагъа сюемен,
Гъайран гёзел топурагъым,
Гъайлек йырдай, юлдузлагъа
Йырламагъа сюемен [8. С. 104].

Хочу украсть
Печаль у облаков,
Удивительной красоты моя земля,
Хочу спеть звездам
Колыбельную песню.

Стихотворение является квинтэссенцией поэтического мира С. Мамаевой. Здесь в полной мере проявляется ее космическое, матерински теплое восприятие Вселенной, где небесные тела становятся частью интимного, почти семейного бытия. Желание «петь», заявленное в названии, конкретизируется через другие порывы: смеяться, завидовать, украсть печаль, спеть колыбельную. Космос — не фон, а источник и соучастник этих эмоций. Художник слова создает не просто образы небесных светил, а систему родственных связей. «Бытовизация» космоса (луна как «пуговица на синей рубашке Ночи») — это троп, снимающий дистанцию между человеком и Вселенной. Космос становится обжитым пространством. Мифологизация через материнство — ключевая метафора: «ночь как беременная женщина», а «луна — ее грудь». Все это наделяет природные циклы глубинной биологической и сакральной значимостью. Рождение дня становится космическим таинством. Откликом на эту «одушевленную» Вселенную становится не пассивное созерцание, а цепочка активных, почти детских в своей непосредственности желаний лирической героини: смеяться в унисон, завидовать «творящей» силе, «украсть печаль у туч» (жест милосердия), «спеть колыбельную звездам». Человек здесь не пылинка в космосе, а заботливая «мать» для самого мироздания.

Заключение

Проведенный филологический анализ лирических текстов позволяет утверждать, что репрезентация темы природы в современной кумыкской поэзии, ярчайшим выразителем которой является Супиянат Мамаева, преодолевает рамки традиционного пейзажного лиризма и обретает качество целостной философско-этической системы.

Природа в этой поэтической парадигме перестает быть лишь фоном или источником эстетического наслаждения. Через такие ключевые приемы, как глубокий, многоуровневый антропоморфизм («весна стучится в окно», «Ночь, готовящаяся стать матерью»), синтетическая метафора (утро «застенчивей невесты») и космическое уподобление (луна как «пуговица на рубашке Ночи»), мир предстает как единый, одушевленный и говорящий «организм». Эта одушевленность носит не декоративный, а мифопоэтический характер: рассвет творит «новую песню», а звезды нуждаются в колыбельной, что возвращает поэзии ее древнейшую функцию — быть посредником между человеком и одушевленной Вселенной.

Главным открытием современной кумыкской поэзии становится этика диалога и ответственного соучастия. Лирические герои произведений не созерцают природу извне, а вступают с ней в тесные, эмоционально окрашенные отношения: откликаются на ее зов, завидуют ее творящей силе, стремятся утешить ее печаль. Тема природы закономерно трансформируется в тему глубоко личной экзистенциальной связи — с родной землей, отчим домом, детством. Природа становится ключом к памяти и идентичности, а ее циклы — отражением внутренней жизни души.

Своеобразие репрезентации природы в творчестве Супиянат Мамаевой и близких ей по духу современных авторов знаменует важный этап эволюции кумыкской национальной поэзии, которая не просто описывает природу, но воссоздает и утверждает ту гармоничную картину мира, утрата которой составляет главную драму современного человека.

Литература

1. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
2. Богач Д.А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 6 (402): Филологические науки, вып. 106. С. 22–29.

References

1. Epshtein M.N. Priroda, mir, tainik vselennoi: sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii. Moscow: Vysshiaia shkola, 1990. 303 s.
2. Bogach D.A. Problemy ponimaniia obraza prirody v literaturovedcheskoi nauke // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 6 (402): Filologicheskie nauki, vyp. 106. S. 22–29.

3. Алхлавова И.Х. Специфика идиостилия в современной кумыкской поэзии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 2. С. 79–85. DOI 10.20339/AM.02-25.079.

4. Гусейнов М.А. Оттепель в национальной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 2. С. 65–71. DOI 10.20339/AM.02-25.065.

5. Мамаева С.М. Мосты. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2008. 256 с.

6. Антология кумыкской поэзии. Т. 2 / сост.: Закавов Ж.Дж., Казимов К.А., Конакбиев Г.А., Султанмуратов А.М., Байболатов Н.З. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2025. 496 с.

7. Хализев Е.В. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

8. Мамаева С.М. Избранное: сборник поэзии. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2018. 304 с.

9. Мамаева С.М. Бессмертник. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2013. 288 с.

10. Мамаева С.М. Затосковала по тебе: стихи. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 128 с.

3. Alkhlovova I.Kh. Spetsifika idiostilia v sovremennoi kumykskoi poezii // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2025. No. 2. S. 79–85. DOI 10.20339/AM.02-25.079.

4. Guseinov M.A. Ottepel' v natsional'noi literature // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2025. No. 2. S. 65–71. DOI 10.20339/AM.02-25.065.

5. Mamaeva S.M. Mosty. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 256 s.

6. Antologiya kumykskoi poezii. T. 2 / sostaviteli: Zakavov, Zh.Dzh., Kazimov, K.A., Konakbiev, G.A., Sultanmuradov, A.M., Baibolatov, N.Z. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2025. 496 s.

7. Khalizev E.V. Teoriia literatury. Moscow: Vysshaia shkola, 2000. 398 s.

8. Mamaeva S.M. Izbrannoe: Sb. poezii. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2018. 304 s.

9. Mamaeva S.M. Bessmertnik. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 288 s.

10. Mamaeva S.M. Zatoskovala po tebe: stikhi. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 128 s.

Акамов Абусупьян Татарханович,

доктор филологических наук, руководитель
Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Akamov Abusupyan T.,

Doctor of Philology,
Head of G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-8700-2716>

e-mail: akamov@mail.ru

Алхлавова Инна Хумкерхановна,

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Alkhlovova Inna Kh.,

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher
Director of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-0962-3277>

e-mail: inna.atavova@bk.ru

Статья поступила: 01.03.2026

Принята к печати: 26.04.2026